РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА: ИСПЫТАНИЕ КРИЗИСОМ

Финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. стал вызовом для модели российского рынка труда, сложившейся в 1990-е гг. Главная её особенность заключается в том, что к кризисным условиям рынок труда адаптируется в первую очередь путем уменьшения рабочего времени и снижения реальной заработной платы, а не счет сокращения численности занятых. Как «пережила» эта модель экономический кризис, подтвердила ли свою жизнеспособность или же была модернизирована? Для ответа на этот вопрос остановимся на показателях, характеризующих адаптацию рынка труда с точки зрения гибкости численности, рабочего времени и заработной платы.

Гибкость численности. Показатели занятости населения быстро откликнулись на ухудшение макроэкономической ситуации. Уже в ноябре 2008 г., который с определенной долей условности можно считать первым кризисным месяцем, численность занятого населения стала меньше показателей соответствующего периода прошлого года. Падение занятости продолжалось в течение всей активной фазы экономического кризиса – до февраля 2010 г. В 2009 г. число занятых составило 69,3 млн чел., сократившись по сравнению с 2008 г. на 1,3 млн чел. (на 1,9%).

Показатели общей безработицы на разворачивающийся экономический кризис прореагировали даже с некоторым опережением. Так, увеличение общего числа безработных, согласно данным Росстата, началось фактически с июня 2008 г. Следует иметь в виду, что сезонная особенность безработицы такова, что летом наблюдается снижение или, по крайней мере, стабилизация её показателей. За три же летних месяца 2008 г. число безработных увеличилось на 400 тыс человек. Затем рост численности безработных существенно ускорился: за сентябрь-ноябрь 2008 г. их количество возросло на 800 тыс человек, за декабрь 2008 г.-февраль 2009 г. – на 1800 тыс. В результате уже с июля 2008 г. численность безработных превосходила показатели соответствующего периода прошлого года. Причем, величина разрыва неуклонно возрастала: с 5,6% в 3-м квартале 2008 г. до 52,2% во 2-м квартале 2009 г. Уровень общей безработицы достиг своего пика (9,5%) в феврале 2009 г., что было на 2-2,5 п.п. выше аналогичного показателя в благополучные 2005-2007 гг. Рост числа безработных, определяемых по методологии МОТ, продолжался до февраля 2010 г.

На отрицательную экономическую динамику практически незамедлительно «отозвалась» и регистрируемая безработица. С осени 2008 г. в России начался рост её показателей. В апреле 2009 г. число официальных безработных составило 2,3 млн чел, увеличившись по сравнению с сентябрем-октябрем 2008 г. на 1,1 млн, т.е. почти вдвое. Её уровень вырос до 3%, что соответствовало показателям 1999 г. Следует признать, что рост регистрируемой безработицы произошел не только из-за кризиса. В определенной мере влияние оказал фактор сезонности, которая в динамике официальной безработицы выражена даже сильнее, чем в динамике общей. Кроме того, резкое увеличение числа безработных, обратившихся в органы государственной службы занятости, было «простимулировано» существенным повышением размера пособия по безработице и расширением доступа к его получению, произошедшими в начале 2009 г. С мая 2009 г. рост числа зарегистрированных безработных приостановился и на протяжении оставшегося периода 2009 г. и первого полугодия 2010 г. их численность колебалась в пределах 2,0-2,2 млн чел.

Ухудшение экономической конъюнктуры и снижение объемов производства заставили руководителей предприятий прибегнуть к различным механизмам оптимизации численности персонала. В первую очередь был интенсифицирован процесс увольнения работников (особенно в 4-м квартале 2008 г.). В результате коэффициент выбытия в 2008 г. достиг своего максимального значения за период 1990-2000-х гг. и составил 32,6%, увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 1,3 п.п. Наибольший прирост этого показателя произошел в

отраслях, которые сильнее других ощутили негативный экономический шок. Так, в обрабатывающей промышленности коэффициент выбытия вырос в 2008 г. по сравнению с 2007 г. на 3,2 п.п., в строительстве – на 5,9 п.п., в оптовой и розничной торговле – на 9,7 п.п., в гостиничном и ресторанном бизнесе – на 11,5 п.п. Столь существенное увеличение интенсивности выбытия персонала в сфере услуг объясняется ещё и меньшим административным контролем над данными предприятиями со стороны федеральных и региональных властей. Такой сильный сброс рабочей силы наблюдался на российском рынке труда лишь однажды – в середине 1994 г. Однако, как и в 1990-е гг., в структуре увольнений абсолютно преобладали увольнения по собственному желанию. Доля уволенных по инициативе администрации в связи с сокращением численности, хотя и увеличилась в начале 2009 г. практически вдвое, не превышала 8-9%. Относительно широкое распространение получили увольнения по соглашению сторон (10-14%), которые позволяли работодателям снижать временные издержки увольнения.

Однако столкнувшись с рядом ограничений, прежде всего социально-политического характера, собственники и менеджмент предприятий добровольно-принудительно перешли к другой тактике, резко сократив, а во многих случаях, фактически заморозив наем работников. В результате в 2009 г. коэффициент найма работников уменьшился по сравнению с докризисным 2007 г. на 4,8 п.п. и составил 26,2% (минимальное значение за период 2000-х гг.). Падение его было максимальным в финансовой сфере – на 14,5 п.п., на предприятиях оптовой и розничной торговли – на 13,6 п.п., в строительстве – на 13,3 п.п., в обрабатывающей промышленности – на 9,4 п.п., в добывающей промышленности – на 8,9 п.п.

Гибкость рабочего времени. Чрезвычайно активно отреагировали на кризис показатели вынужденной неполной занятости. Во втором полугодии 2008 г., впервые за 10-летний период, произошел рост, причем весьма существенный, её размеров. Объем неотработанного рабочего времени в связи вынужденной неполной занятостью в 2008 г. увеличился вдвое и составил 186,7 млн. человеко-часов. Однако годовые оценки не дают адекватного представления о реальной динамике неполной занятости, поскольку весь её прирост пришелся на последние месяцы 2008 г. Так, в 4-м квартале 2008 г. по сравнению с аналогичным периодом 2007 г. численность работающих неполное рабочее время по инициативе администрации увеличилась более чем в 20 раз (!), находящихся в административных отпусках – в 10 раз. Кроме того, примерно вдвое вырос приток в «условно-добровольную» неполную занятость, связанную с предоставлением отпусков по заявлениям самих работников.

В первом полугодии 2009 г. рост масштабов неполной занятости продолжился. За семь месяцев (декабрь 2008 г. – июнь 2009 г.) численность работников, занятых неполное рабочее время, увеличилась с 1046,0 тыс до 1523,3 тыс чел., т.е. в полтора раза. В июне 2009 г. каждый десятый работник обследуемых предприятий работал неполный рабочий день/неделю или находился в административном отпуске. С учетом находящихся в отпусках по собственному желанию, которые, как показывает практика, нередко работники вынуждены брать под давлением руководителей предприятий, эта доля возрастает до 14 %. Наибольшие размеры вынужденной неполной занятости были отмечены на предприятиях обрабатывающих производств – 16,7 % списочной численности (с учетом работников, имеющих отпуска по собственному заявлению – 23,4 %!). В результате среднестатистический работник отработал в 2009 г. на одну неделю меньше, чем в предыдущем 2008 г. (на 41 час, или на 2,3 %). Максимальное сокращение рабочего времени произошло в строительстве – на 116 час (6,5%) и в промышленности – почти на 90 час (5,2%), в т.ч. в обрабатывающей – на 105 час (6,2%).

Гибкость заработной платы. С началом экономического кризиса возобновился процесс накопления задолженности по заработной плате. К началу апреля 2009 г. её объем достиг 8,8 млрд руб., увеличившись по сравнению с октябрём 2008 г. более чем в 2,5 раза. Численность работников, которые имели задержки по зарплате, выросла за этот же период с 206 тыс. до 541 тыс. Хотя скачок в показателях невыплат был сильным, следует учитывать, что он происходил с очень низкой базы и по меркам 1990-х гг. задолженность предприятий перед работниками была очень небольшой. Так, в марте 2009 г. накопленные долги по заработ-

ной плате составляли 2% месячного фонда оплаты труда. Численность работников, имеющих невыплаты, оставалась неизменной в течение марта-июня 2009 г., а с июля 2009 г. стала снижаться. Уже к началу 2010 г. показатели, характеризующие невыплаты заработной платы вернулись к докризисному уровню.

В целом по экономике реальная заработная плата сократилась в 2009 г. по сравнению с 2008 г. на 2,8%. Безусловно, это уменьшение не идет ни в какое сравнение с её «провалами» во время кризиса 1990-х гг. Однако такое незначительное снижение может быть отчасти статистическим артефактом, связанным с 30-процентным повышением оплаты труда работников бюджетного сектора, произошедшим в 2009 г. Действительно, в производственном секторе падение реальной заработной платы было гораздо сильнее: в строительстве – на 10,4%, в промышленности – почти на 5%, в т.ч. в обрабатывающей – на 6,4%. При этом принципиальное отличие нынешней ситуации от ситуации 1990-х гг. состояло в том, что уменьшение реальных заработков было в большей степени связано с прямым снижением номинальной заработной платы и в меньшей – с их инфляционным обесценением.

Основные показатели, позволяющие оценить векторы адаптации российского рынка труда в ответ на негативный шок 2008-2009 гг., представлены в табл. 1.

Таблица 1

Темпы прироста объемов выпуска и показателей рынка труда (2009 г. к 2008 г., в %)

	Объем выпуска	Численность занятых	Рабочее время	Совокупные затраты труда	Реальная зарплата
Экономика	- 7,9	- 1,9	- 2,3	- 4,2	- 2,8
Промышленность	- 9,3	- 5,9	- 5,2	- 10,8	- 4,9
Обрабатывающая промышленность	- 15,2	- 7,2	- 6,2	- 13,0	- 6,4
Строительство	- 16,0	- 3,8	- 6,5	- 10,1	- 10,4

Источник: Данные Росстата. Расчеты автора.

Подведём некоторые итоги. Во-первых, на кризис 2008-2009 гг. российский рынок труда «откликнулся» гораздо более оперативно, чем в 1990-е гг. Динамика показателей рынка труда следовала за индикаторами экономической активности с минимальным временным лагом. Во-вторых, ценовая подстройка рынка труда, доминировавшая в период трансформационного кризиса 1990-х гг., оказалась задействована гораздо в меньшей степени. Основные причины – ограничение возможностей инфляционного обесценения зарплаты и усиление инфорсmenta со стороны государства, резко сузившее возможности использования предприятиями практики задержек зарплаты. В-третьих, чувствительность численности занятых к экономическому шоку оказалась выше, чем в 1990-е гг., особенно в отраслях реального сектора. Численная подстройка осуществлялась менеджментом предприятий активнее, чем раньше, особенно на начальном этапе кризиса. В-четвертых, вновь, как и в 1990-е гг., важнейшим инструментом адаптации стало резкое сокращение рабочего времени. В целом реакция рынка труда практически в равной мере распределилась между численной, временной и ценовой подстройкой.

Итак, модель гибкости российского рынка труда в основном сохранила свои специфические системные характеристики. Она вновь доказала свою способность обеспечить относительно быструю и «мягкую» (с низкими социальными издержками) количественную подстройку параметров рынка труда к изменениям рыночной конъюнктуры и достижение тем самым равновесия на макроэкономическом уровне. Но её оборотной стороной является замедленная реструктуризация рынка труда, стагнация занятости даже в условиях экономического роста, усиление сегментации, деформализации и региональной дифференциации рынков труда, недофинансирование в специфический человеческий капитал, увеличивающиеся риски взаимного оппортунистического поведения работников и работодателей.